

День, который никогда не настанет

Автор:

[Куив Макдоннелл](#)

День, который никогда не настанет

Куив Макдоннелл

Детектив МИФ. Дублинская серия #2МИФ Проза

В Дублине во всех отношениях неспокойно. Экономика переживает глубокий кризис. Трое застройщиков, оставившие без жилья сотни жителей города, предстают перед судом. Нарастают уличные волнения.

Но у Пола Малкроуна свои проблемы. Его недавно созданное детективное агентство может так же скоро и закрыться: один из партнеров не разговаривает с ним (по очень веским причинам – ведь это его бывшая девушка, которой он изменил), а другой исчез с лица земли (вообще безо всяких причин). К тому же Полу подкинули собаку Мэгги, и ее приходится всюду таскать с собой, делиться с ней едой и пивом, иначе... иначе плохо будет всем.

Неожиданно Пол получает заказ: ему предстоит выяснить, нет ли у застройщика из той самой тройки мошенников Джерома Хартигана еще одной любовницы (еще одной, потому что заказ поступил от его же подружки).

Постепенно Пол понимает, что все эти события (банкротство застройщиков, пропажа партнера, новое дело) неуловимо связаны между собой. Удастся ли ему победить в чужой игре? Кто поможет Полу, который ни разу не видел пистолет вблизи и которому становится дурно от одного вида крови? И на чьей стороне он окажется, когда закон и справедливость перестанут означать одно и то же?

«Дублинская трилогия» получает свое продолжение во втором томе серии. Несмотря на то, что здесь вы встретите уже знакомых героев, следить за сюжетом можно и не читая первой книги.

Саркастичный, местами даже грубый юмор, сочетание комедийных и криминальных элементов, запутанный ход событий и особый ирландский колорит – детективы Макдоннелла сравнивают с произведениями Питера Свонсона, Алекса Михаэлидеса, Жоэля Диккера, Терри Пратчетта и Ричарда Кадри. Право на их экранизацию уже купила компания Avalon – режиссером выступит Крис Эддисон, знакомый многим по сериалу «Вице-президент».

Для кого эта книга

Для читателей современных зарубежных детективов, а также комедий, юмористической фантастики и фэнтези.

На русском языке публикуется впервые.

Куив Макдоннелл

День, который никогда не настанет

Caimh McDonnell

THE DAY THAT NEVER COMES

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2017 by McFori Ink

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

OBEDIENTIA CIVIUM URBIS FELICITAS

«Повиновение граждан есть счастье города».

Официальный девиз Дублина

Пролог

7 июля 2016 г., четверг

Детектив Уилсон глубоко подышал и попытался успокоиться. Желудок начал физически реагировать на зловоние еще до того, как его обработал мозг, и никакая «твердость духа» уже не могла засунуть джинна обратно в бутылку. Плотный ирландский завтрак будет выпущен в дикую природу, хочет он этого или нет.

Уилсон отвернулся, прижав правую руку к губам. Рот уже начал наполняться предупреждающей слюной, язык судорожно сжался. Вопрос «Что случится?» не стоял, остался лишь вопрос «Где именно?».

Попытавшись изобразить решительный, но спокойный шаг, он стал выходить из комнаты тем же путем, каким вошел, притворяясь, будто ему понадобилось срочно ответить на важный звонок.

Тело – вернее, то, что от него осталось, – сидело посреди большой гостиной свободной планировки. Когда-то этот дом красовался на трех разворотах глянцевого журнала – до того, как его владелец сделался нерукопожатен для элиты, которая производит, печатает и потребляет подобные издания. О многом говорил мраморный камин, доминировавший в комнате. За совершенно неприличные деньги его целиком доставили с тосканской виллы. Хозяин камина, который и сам был крупным застройщиком, однажды пошутил, что дешевле было бы перетащить весь дом в Италию. Шутка была не очень смешной, но, в конце концов, владелец дома наслаждался немереным богатством, а это значило, что люди будут смеяться над его остротами, хочется им этого или нет. Теперь же он сидел возле камина, привязанный к стулу, с лицом, искаженным ужасной предсмертной гримасой, которая под определенным углом могла выглядеть так, будто он смеется, если бы прочие обстоятельства решительно не отрицали такой возможности.

Главной новостью сегодняшней утренней газеты стали двадцать водителей автобусов, выигравших в лотерею. Эта была забавная история. Завтрашние заголовки будут мрачнее.

Покидая комнату со всей небрежной поспешностью, которую он мог себе позволить, Уилсон случайно налетел на плечо входившего в тот момент гика из Технического бюро и отпружинил от него к стенке. Подняв левую руку в вялом извинении, он продолжил двигаться к выходу, не рискуя заговорить. Только бы не внутри. Это не должно произойти внутри дома. Надо поскорее выбраться на свежий воздух и найти какое-нибудь укромное местечко. Прошло восемь месяцев после позорного инцидента в Феникс-парке и три недели с тех пор, как он в последний раз слышал прозвище «харчемет», которое, как он надеялся, уже забылось навсегда. Следующие тридцать секунд покажут, так ли это, или кличка так и приклеится к нему до конца его полицейской карьеры.

В свою защиту он мог сказать, что поплохело не только ему. Бедная уборщица, первая обнаружившая труп, несла нечто совершенно дикое. Принявший звонок диспетчер немедленно выслал патрульную машину и запросил скорую помощь со спецоборудованием, предположив, что женщину придется принудительно

госпитализировать в соответствии с законом «О психическом здоровье». Все, что он сумел разобрать из ее крика, было слово «шатан», повторяемое много раз. Переводчик, приглашенный позже для прослушивания записи звонка на службу 999 в надежде, что он сможет дать значимую подсказку, объяснил, что «шатан» – это по-польски «Сатана».

Выходя через парадную дверь, Уилсон прошел мимо хорошо знакомой ему фигуры доктора Дениз Дивэйн, государственного патологоанатома. Сегодняшний чрезвычайный случай оторвал ее от более рутинной и привычной темы «Ремни безопасности – для лохов». Смерть была ее ежедневным занятием в течение семнадцати лет, и если бы вы поинтересовались ее работой еще вчера, то Дениз бы ответила, что научилась смотреть на трупы с холодной отстраненностью. Но все же завтрашним вечером, когда Дениз останется в кабинете одна, чтобы подробно и долго перечислить в отчете все физические увечья, нанесенные жертве, она закроет шторы, сядет в кресло для посетителей и прольет тихую слезу над зверской жестокостью человечества. Никто не заслуживает подобной участи, даже такие, как он.

Проходя мимо, она бросила на Уилсона обеспокоенный взгляд. Дивэйн хоть и была от природы холодна, однако обладала достаточной квалификацией, чтобы распознавать травмы как у мертвых, так и у живых.

Заметив слева один из характерных фургонов Технического бюро, припарковавшийся прямо на лужайке, Уилсон мгновенно принял решение. Это был лучший шанс укрыться среди сутолоки. Он направился прямо к фургону, игнорируя крики детектива-сержанта Хики, пытавшегося привлечь его внимание. Словно спринтер, делающий рывок к финишной ленте, он преодолел последние несколько метров, чтобы в наипоследнейший момент очутиться позади фургона. И тут содержимое желудка вырвалось наружу. У него получилось.

Почти.

Детектив-суперинтендант Сьюзан Бернс определенно умела производить впечатление. Эта эффектная женщина в свои сорок два года – удивительно молодом возрасте для ее высокой должности – обладала непререкаемым авторитетом среди подчиненных. Данное качество, вкупе с выдающимися достижениями в деле борьбы с бандитизмом в Лимерике, а также безошибочным умением подавать это прессе правильно, возвысило ее до должности главы

Национального бюро уголовных расследований, которую она занимала уже полтора дня. Она обладала колючими голубыми глазами, чей цепкий взгляд производил неприятное впечатление, словно она фокусировала его на глубине пяти сантиметров внутри головы собеседника – возможно, там, где находится душа. Кроме того, она была стройной, с фигурой гребчихи. Такие женщины часто избегают носить каблуки, чтобы не заставляя мужчин чувствовать себя неуютно. Именно поэтому она их носила. И не только поэтому. Сьюзан Бернс, как бы банально это ни звучало, питала слабость к красивым туфлям. Они были единственной поблажкой, которую она делала себе в строго регламентированном ежедневном существовании.

Сей последний факт имел особое отношение к детективу Доннахе Уилсону, или «харчемету», как его теперь будут называть до конца жизни. Два дня назад детектив-суперинтендант Сьюзан Бернс приобрела пару «лабутенов» в качестве подарка себе в честь начала работы на новой должности. Две секунды назад детектива Уилсона стошнило прямо на них.

Выражение ее лица запомнится Уилсону навсегда. Однако не это лицо будет заставляя его просыпаться в холодном поту по ночам – отнюдь. Гораздо больше его напугало другое лицо – застывшее в невообразимой агонии и смотревшее лишенными век глазами на слова, которые были начертаны на стене над неприлично дорогим тосканским камином. Позже анализы подтвердят, что надпись была сделана кровью жертвы почти наверняка в тот момент, когда несчастный был еще жив.

Слова были просты: «Это день, который никогда не настанет».

Глава первая

4 июля 2016 г., предшествующий понедельник

Пол захлопнул дверь офиса, вернее, попытался. Из-за провисших петель она шоркала по истертому ковру. Чтобы дверь хотя бы закрылась, ее пришлось поднять за ручку и придавить плечом. Когда замок наконец защелкнулся, Пол в сердцах пнул по двери ногой. Пинок принес ему только вспышку боли в пальце и

ни капли удовлетворения.

Пол пребывал в отвратительном настроении. Это ужасное утро конца плохой недели завершало худший месяц его жизни. Восемь месяцев назад несколько человек пытались его убить, и он уже начинал думать, что совершил роковую ошибку, когда не позволил им это сделать.

Только что он вернулся с аудиенции, назначенной Надзором за частными охранными службами, которую нельзя было назвать иначе как унижительной. Мистер Брэдшоу, последний оставшийся на планете человек, который продолжал носить бабочку, обладал самыми высокомерными манерами, какие только можно было себе вообразить.

– Итак. Позвольте уточнить, мистер Малкроун, вы хотите открыть частное детективное агентство с двумя партнерами, с одним из которых вы не разговариваете более месяца, а другого никак не можете найти?

Пол выбрал стратегию «честность – лучшая политика» в надежде, что откровенность будет оценена по достоинству. И оказался в корне неправ. Впрочем, он не мог припомнить, когда в последний раз был хоть в чем-то прав.

Вчера вечером он в тысячный раз пытался дозвониться до Бриджит, но вместо ответа слышал забавную музыку. Пол на девяносто процентов был уверен, что эти звуки означают, что она заблокировала его телефон. Она не разговаривала с Полом на протяжении сорока двух дней после «инцидента», хотя несколько раз кричала на него, чтобы прояснить свою позицию, которая заключалась в том, что Пол – самый мерзкий гад на Земле. Теперь их объединяло лишь то, что Пол полностью согласился с ее оценкой. А также тот факт, что их имена были указаны в заявке, поданной в Надзор в те счастливые дни, которые полностью перечеркнул «инцидент».

С Банни совсем другая история. За последние три дня Пол послал ему около пятнадцати сообщений, ни на одно из которых не последовало ответа. Во время их последней встречи Пол приложил немало усилий, чтобы донести до Банни всю важность похода в Надзор. Ведь из них троих только бывший детектив-сержант Банни Макгэрри обладал необходимым пятилетним опытом работы, который требовался для получения лицензии частного детектива. Возможно, он не соответствовал общепринятым представлениям о том, каким должен быть

офицер полиции; возможно, его начальство устроило парад, когда убедило его наконец уйти в отставку пораньше, но никто не мог отрицать, что Банни Макгэрри являлся настоящим и довольно эффективным копом, несмотря на свойственную ему некоторую гиперагрессивность.

Пол смутно осознавал, что Банни, возможно, пытается преодолеть стресс от потери работы, бывшей для него смыслом жизни, но он был слишком занят собственными переживаниями, чтобы обращать внимание на чужие. Кроме того, между ними были не особенно теплые отношения. Еще восемь месяцев назад они находились в состоянии пятнадцатилетней конфронтации, пока Банни не решил вмешаться в ситуацию, в которой Пола пытались всеми силами убить. Остатки благодарности, которые Пол испытывал по этому поводу, испарились в тот утренний час, когда Банни так и не явился на встречу в Надзор за частными охранными службами, оставив одетого в похоронный костюм Пола отдуваться в одиночку и выглядеть при этом полным идиотом.

В последний раз Пол надевал этот костюм чуть больше двух месяцев назад, когда у Бриджит умерла бабушка и он ездил с ней на похороны в Литрим. Землякам Бриджит представила его как своего парня, и ему это понравилось. Полу еще никогда не доводилось быть чьим-то парнем. Он переехал жить к Бриджит через неделю после того, как окончательно потерял право на дом своей покойной двоюродной бабушки Фиделмы. У Бриджит ему было хорошо.

Сидя в фойе Надзора, он обнаружил во внутреннем кармане пиджака сосиску в тесте из похоронного буфета, которую сунул туда, вероятно, перед тем, как они поехали обратно в Дублин. Естественно, в тот момент он тут же о ней забыл. Теперь в припадке сентиментальности Пол съел ее, пренебрегши нормами пищевой безопасности, а потом долго сидел в кресле в одиночестве – с разбитым сердцем и желудочными спазмами.

Вышеописанное стало причиной того, что он вернулся в офис «Сыскаго агентства МКМ» в особо отвратительном настроении. Офис, располагавшийся на втором этаже здания, которое занимал китайский ресторанчик «Восточный дворец», недостаток своего пространства восполнял запыленностью. Пол думал о нем как об «их» офисе, но Банни здесь почти не появлялся, а Бриджит вообще не заходила ни разу. Когда-то Пол представлял, как перенесет ее на руках через порог в тот день, когда они окончательно здесь утвердятся. Теперь воспоминания об этом будто били его по лицу всякий раз, когда он открывал дверь.

С тех пор как его выгнала Бриджит, он ночевал тут, поскольку не мог позволить себе снять квартиру. Он был совершенно на мели. Грандиозная идея открыть агентство принадлежала Бриджит. Она хотела таким образом решить все их проблемы – и отсутствие работы у Пола, и отсутствие смысла жизни у Банни, и ее собственное отсутствие желания выносить судна, поскольку уход за безнадежно больными окончательно потерял для нее привлекательность.

Впрочем, искать другое место для ночлега ему даже не хотелось. Хотя он этого не заслуживал и не было никаких логических оснований полагать, что это произойдет, вопреки всему он по-прежнему надеялся, что Бриджит примет его обратно.

Но это не означало, что он ночевал здесь один. В последние две недели у него появилась сожительница по имени Мэгги. Когда он вошел, она сидела в кресле за столом и спокойно глядела на него своими непроницаемыми карими глазами. Из мебели в комнате были лишь три сдвинутых вместе стола, возле каждого из которых стояло офисное кресло. И Мэгги сидела в кресле только потому, что знала, что оно принадлежит Полу. В их отношениях она постоянно пыталась утвердить свое господство. Когда они выходили на совместную прогулку, она таскала его за собой туда-сюда, демонстративно избегая тех мест, куда хотелось зайти ему. Она вечно пыталась втянуть его в соревнование взглядов, и больше всего ей не нравилось, когда ее оставляли в офисе одну. Сегодня утром Мэгги решила намекнуть об этом самым решительным образом: она насрала прямо на стол.

– Да ёб твою мать! – возмутился Пол.

Две недели назад, проснувшись среди ночи, он увидел над собой Банни Макгэрри, ковырявшегося в его телефоне.

– Какого хрена ты тут делаешь?

– Ставлю для тебя будильник, – ответил Банни. – Тебе нужно встать пораньше, чтобы выгулять собаку.

– Что... ай!

Повернувшись, Пол увидел в нескольких сантиметрах от себя собачью морду со взглядом вышибалы.

– Блин, что это за чудище?

– Здравствуй, жопа, Новый год! Поли, ты теперь детектив. Четыре лапы, виляющий хвост – неужели трудно догадаться? Это собака, точнее, немецкая овчарка.

– И что она здесь делает?

– Я привел ее для тебя.

– Но... как я смогу держать собаку? Не знаю, заметил ты или нет, но я даже о себе не умею заботиться!

– Вот именно! Есть что-то нездоровое в том, что ты сидишь тут целыми днями один, как евнух на оргии. Дружеская компания пойдет тебе на пользу. Эта собака ведь тоже бывшая полицейская. По-любому она пригодится агентству!

Пол должен был заподозрить неладное уже тогда, когда Банни начал оправдывать свой поступок. Ведь Банни никогда не оправдывался. Неспособность оправдываться составляла одну из главных отличительных черт Банни Макгэрри – наряду с косящим глазом, вечной дубленкой из овчины и глубокой верой в то, что любые жизненные проблемы можно решить, надавав кому-нибудь по ушам.

Пол протянул руку, чтобы погладить Мэгги, но тут же услышал предупреждающий рык.

– Да, она не очень любит, когда к ней прикасаются.

С этими словами Банни изверг отрыжку с запахом виски, бросил Полу телефон и оставил их в офисе одних. Пол уставился на Мэгги. Мэгги уставилась на Пола. С того момента их взаимоотношения приобрели характер нескончаемой холодной войны. И вот теперь эта война закончилась. Мэгги предпочла устроить ядерный апокалипсис.

– Ну все, с меня хватит! Это уже за гранью! – Пол указал на преступные экскременты, сложенные на столе в удивительно аккуратную пирамидку. – Я помню, уже говорил это, когда ты съела мои носки, но это... вот это на столе... это абсолютно точно край! Мне все равно, что говорил Банни, но ты, психованная сучка, теперь точно отсюда свалишь!..

Пылкую речь Пола прервал очень вежливый стук. Человек и Мэгги синхронно посмотрели на дверь офиса, не веря своим ушам. Пол быстро перебрал в голове все возможные варианты. Не исключено, что это миссис Ву, владелица ресторана «Восточный дворец» на первом этаже, но она не из тех, кто стучит вежливо. Она из того сорта людей, которые вначале долбят в дверь, потом орут, потом снова долбят. Конечно, это мог быть и Банни, но он ни разу в жизни ни в какую дверь не стучался. Бриджит... Неужели это Бриджит? Сердце Пола бешено заколотилось от такого предположения, но в тот же миг голос суровой реальности ехидно гоготнул в глубине сознания. Ну да, ну да. Женщина, которой ты изменил по пьяной глупости, станет вежливо стучаться в дверь, чтобы спросить, не желаешь ли ты к ней вернуться. Наверное, она стоит там голая, перевязанная ленточкой и с бутылкой шампанского в руках. Идиот...

Такие мысли заставили Пола склониться к тому, что сама идея, что кто-то мог стучать в дверь офиса, выглядит как абсолютная фантастика, но в этот момент в дверь снова постучали. В этот раз еще и раздалось слово «Эй!», произнесенное мягким, бархатным женским голосом. Пол и собака посмотрели друг на друга, потом на дверь, потом на копролит, оставленный на столе.

– Хм... секундочку! – обратился Пол к закрытой двери.

Мэгги юркнула под стол. Она, казалось, понимала, что не имеет права находиться здесь и если миссис Ву или кто-нибудь еще о ней узнает, то она будет вынуждена уйти. Пола посетило смутное подозрение, что собака гораздо умнее него. Но это по-прежнему не решало проблему ее грязного протеста. Пакеты, которыми он пользовался, когда выводил Мэгги на прогулку, лежали в кармане его куртки, висевшей у лестницы с противоположной стороны бархатного женского голоса. Идея оставить пирамидку на столе, сделав вид, будто это интересный офисный сувенир, выглядела утопичной. Поозиравшись, Пол не заметил ничего, чем можно было бы ее замаскировать, а значит, остается единственный вариант – избавиться. Он подошел к окну и с трудом его открыл. Старая искривленная деревянная рама издала протестующий стон, когда он ее поднял.

– Я могу войти? – спросил голос за дверью.

– Минуточку, – отозвался Пол, оглядывая комнату в поисках чего-нибудь... чего угодно, что можно использовать для перемещения какашек из пункта А в пункт... любой, находящийся за пределами офиса. – Я должен закончить телефонный разговор!

– Я поняла, – ответил голос. – Вам нужно договорить с женщиной, которая съела ваши носки.

– Хм... да...

Взгляд Пола упал на единственную книгу в комнате – объемистый сборник романов Рэймонда Чандлера о знаменитом детективе Филипе Марлоу. Эту книгу ему подарила Бриджит, назвав ее «учебником начинающего частного детектива». Несмотря на то что Пол книгу так и не осилил, он был совершенно уверен, что Филипу Марлоу не стоит выносить какашки из его офиса. Правда, с Марлоу иногда случались такие оказии, как длинноногие блондинки, просившие очистить их имя от подозрения в убийстве. Пол поднял книгу и положил ее на место. Нет, использовать ее как лопату для говна он пока не готов. Вместо этого он подошел к мусорной корзине и выудил оттуда мужской журнал, который купил в минуту слабости. Вооружившись меню «Восточного дворца», он сумел спихнуть какаху на журнал, с облегчением убедившись, что у нее достаточно твердая текстура. Очевидно, клетчатки в рационе Мэгги вполне хватало. Хотя, возможно, она восполнила ее недостаток носками Пола.

– Вы продолжаете телефонный разговор? – спросил голос.

– Ага, – ответил Пол, двигаясь через комнату с той медлительной сосредоточенностью, которую в обычных обстоятельствах демонстрируют только специалисты по обезвреживанию бомб.

– Но, кажется, вы больше не говорите...

– Я слушаю. У нее есть что мне сказать.

– О том, зачем она ела носки?

– Ага... В смысле это была метафора.

– Разумеется.

Пол подошел к открытому окну и посмотрел вниз – на небольшую автостоянку позади «Восточного дворца», на которой оставляли свои скутеры доставщики еды. Двое из них в данный момент наслаждались перекуром перед работой. Сбросить на них свою ношу означало нарваться на неприятности.

– Долго еще?

– Нет.

Пол отвел руку с журналом назад и произвел умелую теннисную подачу, с удовлетворением понаблюдав, как собачкин груз умчался вдаль, затем перелетел через стену и приземлился в тупичке, заставленном гаражами.

– Какой пидорас кидается говном?!

Пол быстро нырнул обратно и бросил журнал и меню в корзину для мусора. Затем огляделся. Офис выглядел вполне дерьмово, но теперь хотя бы лишь в фигуральном смысле.

– Секундочку!

Пол подошел к двери и с размаху ее распахнул. В смысле сделал бы так, если бы не провисшие петли. На самом деле процесс открытия прошел в три этапа, последний из которых заключался в ударе дверью по лбу. Потерев уязвленную часть головы, Пол выглянул наружу. В коридоре стояла длинноногая блондинка. Улыбка, игравшая на ее полных красных губах, была смущенной и изумленной одновременно.

– Я зайду, если вы не против, – сказала она, проходя мимо него в офис.

Пол был вполне современным человеком со вполне современным менталитетом. Однако в маленьком офисе было не так уж много предметов, за которые

хотелось бы зацепиться взглядом. Поэтому он не мог не заметить несколько важных нюансов, когда блондинка проходила мимо. Красное платье, которое она носила, обтягивало фигуру таким образом, который можно описать как «оставляющее слишком мало места воображению». И все же Пол был почти уверен, что его создавали специально, чтобы доминировать в воображении любого гетеросексуального мужчины на протяжении минимум нескольких недель. Он упрекнул себя за эту устаревшую сексистскую мысль. То же самое, конечно, произошло бы и с лесбиянками. По сути, это платье могло даже подтолкнуть особо любопытных женщин к смене ориентации. Это было такое платье, которое могло заставить радикально сменить образ жизни кого угодно.

Закрывая дверь, Пол попытался взять себя в руки.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – сказал он, поддавив дверь плечом, но, когда обернулся, оказалось, что девушка уже сидела.

Расположившись за столом напротив, она нетерпеливо стряхивала несуществующие пылинки со своего идеального колена.

Пол нервно окинул офис взглядом.

– Прошу прощения за беспорядок. Наша уборщица опаздывает.

Блондинка огляделась.

– Уже много лет?

Вместо ответа Пол улыбнулся и сел за стол, услышав мягкий предупреждающий рык. Он совсем забыл, что здесь спряталась Мэгги. Якобы небрежно откинувшись на спинку стула, Пол постарался как можно дальше отодвинуть от собаки низ своего тела.

– Итак, мисс... – Пол сделал паузу, которую посетительница так и не заполнила. – Чем могу помочь?

– Я хотела бы вас нанять.

– Серьезно?

До Пола запоздало дошло, что, наверное, не следует демонстрировать такое удивление. В конце концов, им действительно нужны клиенты для долгосрочного развития бизнеса.

– Да. Вы же те, кто раскрыл дело «Рапунцель», верно?

В действительности так оно и было. Именно тот случай свел Бриджит, Банни и Пола вместе, чтобы они сработали как невероятная команда. Они решили проблему, но, по мнению Пола, это вышло сугубо случайно – как побочный продукт его попыток остаться в живых.

– Именно так.

Блондинка наклонилась и слегка понизила голос:

– Могу я спросить: ваш напарник действительно выкинул своего босса из окна?

Пол нервно улыбнулся.

– В газетах о том деле писали много глупостей.

Действительно, писали, но не совсем глупости: Банни в самом деле скинул второго по рангу полицейского в стране, правда не из окна, а с балкона. В защиту Банни можно сказать, что сброшенный был коррупционером. Конечно, этот случай стал одной из множества причин, по которым «Гарда Шихана»[1 - «Гарда Шихана» (сокр. Гарди) – название ирландской полиции. Здесь и далее прим. пер.] так стремилась к тому, чтобы Банни захотел рассмотреть другие варианты трудоустройства. Возможно, его поступок и принес определенные положительные результаты, но и создал опасный прецедент с точки зрения служебных отношений.

– Должен предупредить, мы еще не получили лицензию на частную детективную деятельность, так что формально не имеем права заниматься расследованиями.

Зачем он это сказал? Вторая проблема, связанная с исчезновением Банни, заключалась в том, что на лицензию требовались деньги. У Пола оставалось восемь дней, чтобы найти три тысячи, или Надзор за частными охранными службами отклонит их заявку, и «Сыскное агентство МКМ» будет официально ликвидировано еще до того, как приступит к работе.

Пол посмотрел через стол на блондинку. А вдруг это провокация Надзора? Поразмыслив, он отмел эту мысль. Кофе там, судя по вкусу, варился многократно. А значит, вряд ли их бюджет позволяет приобретать такие платья.

Женщина в красном с улыбкой откинулась на спинку кресла.

– Формальности меня не волнуют. В этой стране многое формально незаконно.

Позже до Пола дойдет, что у нее не было какого-либо заметного акцента. Просто она говорила таким мягким, с придыханием, голосом, которого не могло существовать в природе. Вероятно, некая первоклассная команда женщин-ученых специально разработала его, чтобы пользоваться тем фактом, что все мужчины – идиоты.

– Кстати, где ваши коллеги?

– Мистер Макгэрри в настоящий момент отсутствует.

Было странно называть так Банни. Всю жизнь его звали только «Банни», «детективом-сержантом Макгэрри» или множеством других, значительно менее комплиментарных прозвищ. И никогда – «мистером».

– А мисс... Конрой, кажется?

– Я изменил ей по пьяной лавочке, чем разрушил собственную жизнь и нашу с ней связь. Ее планы в отношении агентства пока что под большим вопросом.

В офисе стало тихо после того, как он это сказал. Подспудно Пол понимал, что ему действительно хотелось об этом хоть с кем-нибудь поговорить. Но он понятия не имел, насколько сильно, пока не выпалил это совершенно незнакомому человеку. Очевидно, подсознание еще не закончило его

наказывать.

– Понятно, – ответила женщина, не теряя ни секунды. – Что ж, желаю вам удачи. Вероятно, теперь вам стоит спросить меня о деле.

– В чем же его суть?

– Я бы хотела, чтобы вы последили за человеком по имени Джером Хартиган.

Пол рассмеялся.

– Кажется, так же зовут застройщика из «Жаворонковой тройки», представшей перед Верховным судом.

Женщина посмотрела на Пола. Абсолютно без улыбки.

– Да вы шутите!

Женщина открыла сумочку и небрежно бросила на стол пачку денег.

– У меня есть тысяча евро, которая намекнет вам, что это не так.

– Но...

– У него роман на стороне.

– Ясно. – Пол взял наконец себя в руки. – А вы, значит, обиженная женщина?

– Я женщина, которая поступает плохо. У него роман со мной.

Пол открыл было рот, но тут же закрыл.

– Несмотря на текущие судебные разбирательства, Джером по-прежнему очень богатый человек. Я потратила много времени и, скажем так, усилий на то, чтобы быть уверенной, что кое-что из его состояния перепадет мне. Но план стал рушиться. Меня беспокоит, что он предал меня и снова начал спать со своей

женой.

В этот раз Пол даже не стал закрывать рот.

Женщина взяла в руки книгу о Филипе Марлоу, лежавшую перед ней на столе.

– Как прекрасно отметил Рэймонд Чандлер, мистер Малкроун, мы живем в мире, где псы пожирают псов. Кстати, о собаках. Кажется, теперь моя очередь спросить: это собачья голова торчит между ваших ног или...

Пол опустил взгляд. Мэгги, по-видимому, стало скучно, и она высунула голову. Пол отодвинулся, и собака бесшумно вылезла из-под стола. Затем запрыгнула на свободное кресло и невозмутимо уставилась на гостью. Женщина посмотрела на нее слегка растерянно, словно впервые осознав, что не полностью контролирует ситуацию.

– Ваша собака кусается?

– Это не моя собака.

– Звучит обнадеживающе.

– Итак?

– Я хочу, чтобы вы последили за Джеромом Хартиганом в течение недели и рассказали мне, встречается ли он со своей женой или любой другой женщиной.

– Потому что у вас с ним любовная интрижка?

– Да, – блондинка одарила Пола невеселой улыбкой. – Можете судить меня сколько угодно, но напомните еще раз: где сейчас мисс Конрой?

– Убедительно...

– Я умная женщина, мистер Малкроун. Возможно, увидев, каковы мои шансы, я решила не тратить лучшие годы жизни на изучение химической инженерии, а

использовать немного биологии в своих интересах. Это мужской мир. Я всего лишь играю теми картами, которые мне выпали, – блондинка раскинула руки и указала ими на себя, как бы признавая очевидное. – Я хочу, чтобы вы выяснили, одержала ли моя противница верх.

Она встала и взяла со стола пачку банкнот.

– Одна тысяча евро сейчас и еще четыре, если обнаружите какие-нибудь улики.

– А что, если у него нет другого романа?

– Тогда я заплатила вам тысячу евро за неделю работы. Не так уж и плохо. В любом случае я пойму, что вы старались изо всех сил.

– Вы не очень-то верите в честность людей, не так ли?

– Конечно. Я же с ними встречаюсь. Теперь ответьте: вы беретесь за эту работу или нет?

Пол глубоко вздохнул.

– Да.

– Хорошо. Увидимся через неделю, в восемь вечера, для ознакомления с вашим отчетом. И пожалуйста, пристегните собаку к поводку.

Она бросила на стол деньги и направилась к двери. Затем ухватила за ручку, легонько пнула и открыла одним плавным движением. Пол потом весь остаток вечера пробовал это повторить, но безуспешно.

– Погодите! – крикнул Пол.

Блондинка оглянулась и посмотрела на него через плечо.

– Вы так и не представились.

Женщина улыбнулась.

– Да. Я не представилась.

Глава вторая

– Я всего лишь хочу сказать, – заявил Фил Неллис, – что мы не можем участвовать в автомобильной погоне.

Пол глубоко вдохнул и стал мысленно считать до пяти. Он старался не раздражаться – в конце концов, это Фил делает для него одолжение. В начале поездки Пол считал до десяти, но такой продолжительный интервал давал Филу возможность сказать что-нибудь еще более раздражающее.

Четыре... пять...

– Не волнуйся, Фил. Как я уже говорил, мы не будем устраивать никаких автомобильных погонь. Мы просто последим за одним человеком. Всего-навсего.

– Видишь ли, я сказал тетушке Линн, что собираюсь прокатиться за город. Ты же знаешь, как она относится к своей машине.

Пол смутно подозревал, что тетушка Линн отпустила бы Фила даже на ограбление магазина с тараном витрины машиной, лишь бы спровадить его из дома на несколько часов. В данный момент они с теткой не очень ладили. Фил Неллис был старейшим другом Пола, хотя, разумеется, это мало о чем говорило. Они вместе жили в детских домах, пока Линн и ее дорогой покойный муж не усыновили Фила. Формально он не был ее племянником, поскольку приходился троюродным братом. Но несмотря на то что «племяннику» Линн уже стукнул тридцатник, он по-прежнему проживал в ее доме. Правильно говорят: ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

Пол заметил просвет на парковке.

– Вижу свободное место!

Сбросив скорость до двадцати километров в час, Фил скептически посмотрел на просвет.

– Слишком узко, – ответил он, покачав головой.

Просвет был такого размера, что через него можно было протащить трейлер. Уже двадцать минут они разъезжали по Феникс-парку, пропуская вполне приличные парковочные места. Ехавшая сзади машина по понятным причинам засигналила.

С заднего сиденья донеслось рычание. Обернувшись, Пол увидел, что Мэгги высунула голову в окно и посмотрела в сторону бибикнувшей машины.

– Что задумала эта чертова собака? – спросил Фил.

– Не переживай о ней. Просто найди место для парковки.

– Не понимаю, зачем ты ее с собой потащил.

– Потому, – ответил Пол, – что она мне ясно дала понять, что ощущает, когда ее запирают одну в офисе.

– Ну, если она что-нибудь сделает с этой машиной...

– Расслабься, – сказал Пол. – Ничего она с ней не сделает.

На самом деле он не был уверен абсолютно ни в чем. Весь путь от офиса Мэгги ехала с высунутой в окно мордой, но не в обычной собачьей манере «я-люблю-тебя-жизнь». Вместо этого она пристально смотрела на прохожих, бросая на них такие свинцовые взгляды, какие бывают только у новоприбывшего заключенного тюрьмы строгого режима. Она будто высматривала самого авторитетного с целью подавить его и установить свое господство. Такое поведение привело к тому, что по крайней мере один велосипедист на светофоре чуть не испортил свои лайкровые шорты.

План был достаточно прост. Вчера, как только «клиентка» покинула офис, Пол быстро осознал, что не имеет ни малейшего понятия о том, как вести слежку и, что еще важнее, каким образом вначале найти того, за кем надо следить. К счастью, он сообразил, что его цель, Джером Хартиган, будет весь день находиться в Центральном уголовном суде, поскольку об этом писали все газеты. А значит, все, что нужно сделать Полу, – просто ехать за ним оттуда. Но насколько это выполнимо? На велосипеде – получится вряд ли. Поэтому он попросил Фила побыть его водителем на один день за пятьдесят евро, не задавая никаких вопросов. И дело было не столько в том, что он заботился о секретности, сколько в нежелании проходить через пытку расспросов Фила.

Фил страдал причудливым видом беспощадной логической тупости. К примеру, зная, что тетушке Линн очень не нравится, когда двигают зеркала ее машины, он предпочитал ничего не менять, а вместо этого втискиваться на водительское место, отрегулированное под размеры миниатюрной женщины ростом в метр пятьдесят семь. Сам Фил был двухметровым, с непрактично длинными конечностями. В итоге его колени торчали почти на уровне ушей, и он постоянно включал ими дворники.

Автобус, высадивший группу школьников, направлявшихся в Дублинский зоопарк, стал отъезжать с парковки. Наконец-то освободилось место, куда смог заехать даже Фил.

– Эй-эй-эй! – воскликнул бармен, как только они вошли. – С собаками сюда нельзя. На входе есть вывеска.

Остановившись, Пол взглянул на Мэгги.

– Там написано: «Кроме собак-поводырей». Она собака-поводырь.

– Ну да. И кто же из вас двоих слепой?

– Никто, – ответил Фил. – На вывеске написано, что собакам-поводырям здесь рады. Там не сказано, что они должны быть со слепыми.

– Что? – круглое сердитое лицо бармена отразило замешательство. – Но... но собака-поводырь без слепого – это всего лишь собака.

– Действительно? – спросил Фил. – Тогда зачем вы повесили вывеску, разрешающую заходить собакам-поводырям, если, по вашему определению, собака-поводырь не является собакой-поводырем, если с ней нет того, кто физически не может прочитать надпись? Тогда написали бы просто: «Никаких собак!»

Пол посмотрел на Фила с невольным восхищением. На лице бармена застыло раздраженное выражение, характерное для любого, кто впервые соприкоснулся с логикой Неллиса.

– Две пинты «Гиннеса» и пинту воды, пожалуйста, – быстро сказал Пол, стараясь закрепить завоеванные позиции раньше, чем бармен успеет придумать контраргумент.

Расплатившись за напитки, Пол отнес их к столику у окна. Фил сел и стал нервно поглядывать на Мэгги. Собака смотрела на него, вывалив язык. Кажется, Фил ей нравился, и это было странно, потому что с первого взгляда Фил не нравился никому и никогда. Требовалось время, чтобы к нему привыкнуть – как к садомазохизму или джазу.

Отсюда открывался чудесный вид на Центральный уголовный суд, расположенный чуть дальше ворот Феникс-парка. Это было довольно новое здание, со стороны похожее на жестяную форму для выпечки тортов, – сплошь блестящий металл и много-много стекла. Сбывшаяся мечта мойщика окон.

– А ты разве не бросил пить? – спросил Фил.

– Так и есть, – ответил Пол.

Он не выпил ни капли после «инцидента» – отчасти потому, что винил алкоголь в своем падении, отчасти из желания наказать самого себя.

– Тогда зачем же ты... – Фил осекся и посмотрел на Пола с ужасом, когда тот, оглянувшись, поставил одну из пинт стаута под стол. – О нет...

– Поверь, так будет лучше для всех нас.

Пол сделал это открытие во время их единственного совместного посещения паба. Вскоре ему запретили вход в четыре ближайших к офису заведения. Слухи разлетаются быстро.

Фил покачал головой, когда из-под стола раздалось восторженное чавканье.

– Это негигиенично, – сказал он.

– Видел бы ты, что случилось, когда я не принес ей пива, – ответил Пол. – Вот тогда было действительно негигиенично.

Изначально Пол думал, что Мэгги будет похожа на собаку из фильма «Тёрнер и Хуч» – классики с Томом Хэнксом. Но пришлось мириться с тем фактом, что она больше напоминала неуравновешенного дебошира Бегби из «На игле».

Фил поднял бокал и посмотрел поверх него искушенным взглядом.

– Ну что, как там дела с Бриджит?

– Потрясающе. Спасибо, что спросил. Она по-прежнему не хочет со мной говорить, но, когда я дозвонился до нее в последний раз, выбор ругательств оказался заметно мягче.

Фил отхлебнул пива и печально покачал головой.

– Понятное дело. Юная любовь никогда не бывает гладкой.

Пол собрался с духом, поскольку знал, что последует дальше.

– Я обсудил это с Да Синь, – сказал Фил. – Она считает, что ты должен сделать какой-нибудь красивый романтический жест.

Четыре... пять...

– Неужели? – ответил Пол, изо всех сил сдерживаясь, чтобы в голосе не прозвучал сарказм.

Да Синь была воображаемой бывшей девушкой Фила, а теперь воображаемой невестой. Они «встретились» где-то девять месяцев назад в онлайн-игре, и это привело ко всему остальному – так, по крайней мере, считал Фил. Но, по мнению Пола, такое знакомство не могло привести ни к чему, пока они не окажутся в одной комнате. Тем не менее Фил и Да Синь были «помолвлены» уже два месяца. Как раз на «мальчишнике» Фила и случилось то, что случилось.

Правда, мальчишник не проводят до назначения конкретной даты свадьбы, но, с другой стороны, его не проводят и тогда, когда невеста – явная мошенница. Собственно, идея так называемого «мальчишника» (а на самом деле попойки на двоих) принадлежала тетушке Линн, рассчитывавшей, что Пол Фила отговорит. Понятно, она пришла в ужас оттого, что доверчивость Фила распространяется теперь и на другие континенты. Следует признать, результат мероприятия получился отвратительным со всех сторон.

– Ну да, – сказал Фил. – Да Синь неплохо разбирается в таких вещах.

Фил смотрел на него прямым взглядом, слишком хорошо знакомым Полу. Он словно бросал вызов, предлагая усомниться в существовании Да Синь.

Видеть это было невыносимо.

Они никогда не разговаривали по скайпу или чему-то подобному, поскольку китайское правительство блокировало видеосвязь в том районе, где жила Да Синь. Ее отец был политиком-диссидентом, и вся их семья находилась под домашним арестом. Они были несметно богаты, но все активы оказались временно заморожены, поэтому билеты на самолет для них пришлось покупать Филу. Короче говоря, это была романтическая версия помощи нигерийскому принцу, великодушно позволяющему класть деньги на свой счет. Следить за этим было все равно что наблюдать за мучительно медленной автокатастрофой, в которой не было никакой возможности убедить Фила нажать на тормоза.

Пол решил не развивать эту тему. Ему вовсе не хотелось, чтобы Фил опять сбежал.

– А почему тебе не помогает Банни? – спросил Фил.

– Потому что этот пьяный сиволап исчез с лица планеты. Он уже несколько дней не отвечает на звонки.

– А с ним точно все в порядке?

– Ну конечно! Это же Банни. Наверняка лежит где-нибудь пьяный в канаве и отлично себя чувствует, пока я занимаюсь этой чертовой работой!

Пол стал уже привыкать к такому поведению Банни. Последние два месяца Банни то появлялся, то исчезал по совершенно непредсказуемому графику. А когда Пол позвонил ему недели три назад, звук вызова намекнул, что Банни находится где-то за границей. Пол до сих пор не знал, куда тот ездил. Когда он спросил об этом у Банни, тот ответил, что просто подправлял загар.

Пол посмотрел в окно.

– Там ведь полно репортеров, да?

Он указал через улицу на ступени суда, на которых скучали несколько фотографов и две телевизионные съемочные группы.

– Ага, – кивнул Фил. – Так кто же этот парень, за которым ты должен следить?

Пол понизил голос.

– Он из «Жаворонковой тройки».

Он надеялся, что не придется вдаваться в подробности, но если в качестве альтернативы остались только разговоры о личной жизни, то тут уж не до жиру.

– Это что-то вроде оркестра? – тихо спросил Фил.

Пола не должно было удивлять, что Фил не в курсе последних новостей, но все же он удивился. Суд над «Жаворонком» лез отовсюду, доминировал на каждой первой полосе и возглавлял любой новостной репортаж. Полу казалось, что от него совершенно невозможно скрыться.

«Жаворонок» стал крупнейшим проектом застройки в истории страны. Паскаль Мэлони, Крейг Блейк и Джером Хартиган – трое самых ярких звезд на переполненном небосклоне ирландского рынка недвижимости – сделали партнерами. Потерявшая актуальность промзона – древняя печатная фабрика Геттигана со складами – должна была подвергнуться преобразованию. Трое амигос смеялись над этим на ток-шоу: «Да перестаньте! Не называйте нас командой мечты. Мы лишь переступили через наше личное соперничество и решили вместе принести пользу своей стране». Застройщики – они ведь как рок-звезды...

«Колоссальный жилой фонд из 524 двух- и трехкомнатных комфортабельных квартир, идеально подходящих для тех, кто впервые покупает недвижимость и желает создать семью; деревня пенсионеров из 186 домов с потрясающим уровнем сервиса для пожилых людей; 88 роскошных апартаментов элитного класса, не говоря уже о многозальном кинотеатре, супермаркете, ресторанах...» – и так далее и тому подобное. Новый комплекс должен был стать альфой и омегой всего, драгоценным камнем в короне «Кельтского тигра». Знаменитости выстраивались в очередь, чтобы вложиться в роскошное жилье; люди попроще устраивали драки – настоящие кулачные бои, – когда первая очередь еще непостроенных малогабаритных квартир стала доступна для приобретения.

Но затем экономику накрыл трындец. Впрочем, «Жаворонок» стоял крепко: ну в самом деле, что плохого может случиться, когда люди вложили столько денег? Инвесторы успокоились, банковские кредиты были пересмотрены, политики лично проконтролировали, чтобы «здравый смысл возобладал». Когда первая партия счастливых новоселов начала въезжать в «Жаворонок-1», в свежестроенном жилье обнаружились некоторые недостатки. «Детские болезни начального периода», – пояснил пресс-секретарь вместо трех амигос, которые с этого момента стали немного стесняться телекамер. Впрочем, беспокоиться было не о чем, все оставалось под контролем. Даже в Диснейленде не сразу получилось идеально! Кроме того, «Жаворонок» и Диснейленд объединила роль мышей, имевших судьбоносное значение для их будущего.

Источником пожара признали неправильно изолированную проводку, отчего мыши смогли ее перегрызть. Просто чудо, что никто при этом не погиб. По чистой случайности по соседству с квартирой, в которой произошло возгорание, жила пожарная, и ей удалось удерживать распространение огня достаточно долго, чтобы здание успели полностью эвакуировать. Первым делом обвинили в

отключении пожарной сигнализации хозяев квартиры, но как только пожарные инспекторы приступили к расследованию, их шокировало то, что они увидели. Оказалось, что не менее половины всей пожарной сигнализации жилого комплекса было установлено неправильно. При довольно удобной системе саморегулирования, которую пролоббировали некоторые «дружественные застройщикам» политики, никто больше не контролировал ничью чужую работу. «Жаворонок-1» признали небезопасным, и все его жильцы были вынуждены съехать. В Дойл Эрен[2 - Дойл Эрен (ирл. Dail Eireann) – нижняя палата парламента Республики Ирландия, она же Палата представителей Ирландии.] стали задавать вопросы. Начались проверки, потом еще проверки, завязались дискуссии и многочисленные споры. Помимо проблем с проводкой выяснилось, что «ультрасовременные» утеплители были запрещены в Швеции по довольно веским причинам. А спустя еще полгода кто-то заметил проседание. В таком виде здание было дешевле снести и строить заново, чем пытаться восстановить. Все принялись обвинять друг друга, но трое амигос заверили все заинтересованные стороны, что не успокоятся до тех пор, пока не возведут обещанный дом мечты.

Об этом было сказано в интервью, опубликованном во вторник утром. К обеду среды они подали заявления о банкротстве. Все трое амигос пытались отдельно друг от друга подать заявления в Британии, где законы были заметно мягче, но к этому моменту власти уже были начеку. Тем временем, большая часть огромного комплекса «Жаворонок» стояла наполовину недостроенной и заброшенной, как ветшающий памятник излишеству. На массивном рекламном щите, пока что заметном с автострады, кто-то приписал: «Если бы ты жил здесь, тебя бы уже наебали».

Удивительно, но вплоть до последнего момента никто не делал ничего противозаконного. Да, были нарушены некоторые строительные нормы, но за такое обычно карают шлепком по руке с выписыванием штрафа. Настоящее веселье началось, когда за дело взялись арбитражные управляющие. Именно тогда была обнаружена огромная черная дыра на счетах «Жаворонка» – 148 миллионов евро согласно большинству отчетов. Трое амигос пришли в ужас, инвесторы пришли в ужас, банки пришли в ужас, а следом за ними и правительство. Финансовый директор «Жаворонка» сбросился с моста во время прогулки с собакой. По слухам, собака тоже пришла в ужас.

Люди требовали решения, политики же в стремлении дистанцироваться от событий, внезапно обернувшихся отложенной катастрофой, были безумно

заинтересованы в том, чтобы решение принимал кто-то другой. Генеральный прокурор очень вовремя уведомил, что троим амигос будет предъявлено уголовное обвинение в мошенничестве. Ну наконец-то, говорили жители Ирландии, хоть кто-то заплатит за причиненные им страдания...

Четыре... пять...

– Нет, Фил, – ответил Пол, – «Жаворонковая тройка» – это не оркестр. Ты что, совсем новости не читаешь?

– Читаю, – обиженно ответил Фил, – но в основном о провинции Синьцзян. Там, кажется, произошла смена руководства, а это значит...

– Угу, – ответил Пол, не слушая, – что-то пошло не так.

– Ну, притеснение все-таки...

– Я не об этом, – перебил Пол. – Смотри туда!

Он указал пальцем за окно, где фотографии и съемочные группы, ждавшие на лестнице Верховного суда, внезапно пришли в неистовство.

– Я выяснял расписание. Ожидалось, что суд продлится до четырех часов дня. А он начался всего сорок пять минут назад. Блин, давай в машину!

Фил посмотрел на Пола с ужасом.

– Но ведь я еще не допил пиво.

– К машине! Бегом!

– Ладно-ладно! Успокойся.

Фил встал, опрокинув стул, и, наткнувшись на другой стол, направился к двери.

– Смотри, куда прешь, орясина убогая! – крикнул бармен, который, очевидно, не претендовал на золотую награду за качество обслуживания.

Пол схватил Мэгги за поводок и пошел к двери. К счастью, она успела допить свою пинту.

– Что случилось?

Фотограф грубо оттолкнул Пола, проигнорировав вопрос. Полицейские в форме запоздало пытались наладить оцепление для сдерживания толпы. Журналисты и фотографы, казалось, прибывали нескончаемым потоком. Подъехал фургон телеканала RTE, из которого выпрыгнула взволнованная как-ее-там, которая ведет «Ирландские новости». Вместе с прессой толпились многочисленные представители общественности. Ведь в Дублине ничто так не привлекает толпу, как толпа.

На вопрос Пола двое молодых людей в деловых костюмах пожали плечами.

– Не знаем, друг. Но ведь что-то же должно случиться?

Пол продолжал идти сквозь напиравшую со всех сторон людскую массу, в то время как Мэгги проворно следовала за ним. Вдвоем они проталкивались мимо балбесов с телефонами наготове – не знающими, что именно должно произойти, но надеющимися это запечатлеть, чтобы произвести сенсацию на ютьюбе.

А потом Пол вдруг оказался в странном воздушном кармане внутри хаоса, состоящем из пустого пространства и тишины. Обернувшись назад, он увидел мужчину, которого звали Десси О’Коннелл. Не так давно его фотография мелькала во всех газетах. Он даже участвовал во многих ток-шоу, где рассказывал миру о женщине, которую любил. Ему было за семьдесят. Того, кто видел его впервые, больше всего поражал взгляд ярко-зеленых глаз, выделявшийся среди складок и тревожных морщин на обветренном старческом лице. Эти глаза были похожи на неожиданную вспышку цвета на черно-белой фотографии.

Старик держал в руках портрет жены в рамке, улыбавшейся миру из более счастливых времен.

Все свои сбережения они вложили в «Жаворонок», надеясь благополучно и спокойно прожить остаток лет в этой деревне для пенсионеров, оборудованной «по последнему слову науки и техники». Полу показалось, что старика мучил ревматизм. Это было видно по тому, как он неловко прижимал к груди фотографию в рамке. Его жена страдала от рассеянного склероза. Когда «Жаворонок» рассыпался как карточный домик, она не выдержала.

Пол видел по телевизору Десси О'Коннелла, зачитывавшего записку жены. Она писала, что ей жаль расставаться с ним, но ее пугает будущее. И что она не хочет стать для него обузой. И что денег, возможно, хватит, если останется только он один. Читая записку, Десси плакал. Ведущий ток-шоу спросил едва ли не шепотом, для чего он каждый день стоит у здания суда, сжимая в руках ее фотографию? «Чтобы помнить», – ответил старик. Больше всего Пола поразило отсутствие гнева. Казалось, этот человек совершенно его не испытывал. Он говорил, что понимает – все бесполезно. Никакой справедливости не будет. Он просто должен вспоминать о ней каждый день своей жизни и хотел бы, чтобы ее помнили другие. Встретившись с ним взглядом, Пол пожалел, что забыл ее имя.

– Какая славная у вас собачка, – сказал старик, нагнувшись и погладив Мэгги по голове. Затем выпрямился, слегка сморщившись от боли. – Судебный процесс аннулирован из-за нарушения процедуры, – поведал он без эмоций. – Об этом сказала одна из тех милых девчушек, которые иногда выносят мне чай и бутерброды.

– О, – только и смог ответить Пол.

– Они поддерживают меня, хоть и не обязаны. Очень добрые девушки. Пару раз даже разрешили сходить в туалет. Люди ведь в основном хорошие...

Пол кивнул.

– Думаю, им больше не придется мне помогать. Все кончено.

Старик опустил глаза, будто эта мысль посетила его впервые. В одну минуту вся его оставшаяся жизнь превратилась в длинную пустую дорогу.

Он слишком устал, чтобы по ней идти...

– Но если были нарушения, то судебный процесс должны начать заново, разве нет? – спросил Пол.

Десси О'Коннелл рассмеялся мягким невеселым смехом.

– А какой смысл? Как мне сказали, выяснилось, что один из присяжных близко связан с кем-то, кто потерял все деньги в «Жаворонке». Но попробуйте найти хотя бы дюжину людей, не знакомых ни с кем из тех, кого эта беда коснулась.

Старик кивнул в сторону складного стульчика, зонта и одеяла, указывавших на место, где он провел последние несколько месяцев, – слева от главного входа, у перил.

– В первые две недели нас было намного больше, – сказал он. – Протестующих, я имею в виду. Была одна хорошая семья и много других людей, но все они постепенно исчезли. Наверное, у большинства людей имеется и другая жизнь...

Внезапно их разговор был сметен вспышками фотокамер и потоком выкрикиваемых вопросов. Хартиган, Блейк и Мэлони появились на верхней ступеньке лестницы в сопровождении адвокатов и двух тяжеловесов в костюмах. Крейг Блейк был одет в отлично сшитый темно-серый костюм. Лицо у него было крупное, лишенное подбородка, украшенное одним из тех слегка вздернутых носов, которые намекают как на хорошую породу, так и на некоторое кровосмешение. На нем было написано отвращение, словно все происходящее было одним большим неудобством, отвлекающим его от чего-то более важного. Хартиган же, хотя и был примерно одного возраста с Блейком, отличался тонкими чертами лица и природной стройностью. Он был в белой рубашке и черном костюме без галстука, который Пол видел на каждой его фотографии. Волосы были зачесаны назад и слегка взлохмачены вокруг «вдовьего мыска», намекающего на бескомпромиссную битву с мужским облысением, в которой он уверенно выигрывал. Мэлони, в отличие от двух других, выглядел помятым и раздраженным в костюме, казавшемся для него слегка великоватым. От его безнадежно лысой макушки ярко отражалось солнце. Глаза Мэлони с опаской смотрели через круглые очки без оправы, а руки были нервно сцеплены. Внешне он напомнил Полу Пенфолда из «Опасного мышонка»[3 - «Опасный Мышонок» (англ. Danger Mouse) – британский

мультсериал 2015–2019 годов. Повествует о приключениях Опасного Мышонка, самопровозглашенного «величайшего секретного агента мира», и его закадычного друга-хомяка Пенфолда.] – если, конечно, выкинуть из образа всю милоту. По сути, он был из тех, кто стоит сзади и подбадривает больших ребят, пока они трясут с тебя деньги, выданные на обед.

Хартиган уверенно спустился по ступенькам и поднял руки, призвав к тишине. Затем дал несколько секунд презренной толпе журналистов с микрофонами и цифровыми диктофонами на то, чтобы уgomониться.

– Спасибо, что собрались. Мы с моими коллегами испытываем огромное облегчение оттого, что этот политически ангажированный судебный фарс подошел наконец к концу. Мы хотели бы поблагодарить судью Грина за то, что он действительно добился справедливости. Как никто другой, мы горько разочарованы тем, во что превратилась мечта, носившая название «Жаворонок». И мы не успокоимся до тех пор, пока справедливость – настоящая справедливость! – не восторжествует наконец во благо всех вовлеченных в этот проект. Но простой поиск козлов отпущения – это не выход. Попытка покарать тех, кто стал первыми жертвами экономического спада беспрецедентного масштаба, не поможет никому. Эта страна создавалась теми, кто не боялся рисковать. Предвзятое наказание создало бы опасный прецедент для будущих поколений. Будьте уверены, мы будем по-прежнему стремиться докопаться до сути того, что произошло, и сделаем все, что в наших силах, чтобы это исправить. И как всегда, мы благодарим вас за вашу поддержку.

Договорив, Хартиган повернулся и направился вверх по лестнице в окружении свиты, сопровождаемый свистом и шквалом выкрикиваемых вопросов. Когда стеклянные двери с шипением закрылись за ними, Пол увидел, как Хартиган добродушно обнял Мэлони за плечи, а Блейк, беседовавший с одним из адвокатов, громко рассмеялся.

Пол развернулся и стал выбираться из толпы. Нужно было скорее найти Фила с машиной. Поспешно уходя, он оглянулся и увидел Десси О’Коннелла, молча стоявшего с фотографией покойной жены, имени которой Пол так и не сумел вспомнить.

Глубоко затянувшись сигаретой, Бриджит посмотрела на деревья. Ей будет их не хватать. На территории больницы всегда росли красивые деревья. Было что-то успокаивающее в том, как они покачивались на мягком летнем ветру.

Нельзя сказать, чтобы ей очень нравилось ухаживать за больными, сказала она себе. Впрочем, и какой-то особенной неприязни она к этому занятию не испытывала. Изначально предполагалось, что оно станет средством для достижения большой цели. «Учись на медсестру, – говорили ей, – и ты сможешь повидать мир». «Людам всегда кто-то должен подтирать задницы», – таков был полушутливый мотивирующий лозунг, которым медсестры обменивались на курсах. Конечно, кроме этого, в их обязанности входило множество совсем других вещей, и до определенного момента Бриджит ими даже наслаждалась. Помогать кому-то чувствовать себя лучше или хотя бы дать возможность не переживать об оставляемой жизни – это что-то да значило. Нет, она никогда не испытывала ненависти к своей работе. Просто ей всегда казалось, что она создана для чего-то большего. Однако теперь придется с этим что-то решать, поскольку ее вот-вот должны были выпнуть на улицу.

Пожарная дверь с грохотом распахнулась, и на улицу вышел доктор Люк Маллинс. Из-за ястребиного носа и ярких жилеток, к которым он питал слабость, он казался старше своих сорока (или около того) лет. Почему-то он постоянно выглядел так, будто весил килограммов на пять больше, чем нужно, чтобы чувствовать себя комфортно в костюме, – словно одевался не столько для удобства на работе, сколько для кондиций тела, которых стремился достичь. Недружелюбная манера общения делала его одним из наименее популярных врачей среди сестринского персонала, но Бриджит никогда не обращала на это особого внимания. Маллинс всегда был занят, но относился ко всем одинаково и мог пристроить ракету к заднице кого угодно – хоть доктора, хоть медсестры.

Этой негласной зоной для курения, а на самом деле неглубокой нишей между зданиями обычно пользовались исключительно медсестры. Они избегали посещать официально разрешенные курилки, поскольку люди обычно становятся по-фарисейски нетерпимыми, когда обнаруживают, что их вредную привычку разделяют медицинские работники.

Доктор Маллинс нерешительно огляделся, словно забыв, зачем он здесь.

– Не волнуйтесь, – сказала Бриджит, – через минуту я уйду. – Она поднесла к губам наполовину выкуренную сигарету. – Я знаю, что вам нельзя общаться с приговоренными.

– Успокойтесь, – ответил доктор Маллинс. – Меня здесь нет. Я даже не курю.

Пару секунд Бриджит таращилась на него, прежде чем поняла намек. Она открыла пачку на десять сигарет, которую держала в руке, и протянула ему. Вначале у нее мелькнула мысль ничего ему не предлагать, но потом показалось, что это будет выглядеть несколько подло. В конце концов, он не виноват, что застал здесь именно ее.

Доктор Маллинс взял сигарету и, наклонившись, обхватил ладонями ее протянутую зажигалку. По тому, как неловко он прикурил, Бриджит поняла, что курит он нечасто, что, наверное, хорошо для специалиста по сердечным заболеваниям.

Они встали рядом и принялись вдвоем смотреть на газон.

– Значит, – произнес он, – неудачный роман?

Бриджит бросила на него косой взгляд.

– Нет, спасибо. У меня уже был один.

Доктор Маллинс кивнул.

– Так я и думал.

– Правда, целых два, раз уж мы об этом. Но какое это имеет отношение к делу?

– Просто стало интересно.

Увидев невозмутимое выражение его лица, Бриджит рассердилась.

– Да неужели? Пытаетесь чем-то объяснить иррациональные поступки безумной женщины?

Доктор Маллинс умиротворяюще поднял руки.

– Спокойно, сестра Конрой, я пришел с миром. Я просидел в той комнате три часа, слушая ложь, и мне стало любопытно, вот и все.

– Что ж, – сказала она, повернувшись и отправив щелчком почти докуренную сигарету в дренажный водосток, – теперь вы узнали.

– Как бы то ни было, – ответил он, – это было забавно.

Бриджит слегка растерялась.

– Спасибо. Но вы же не будете принимать это во внимание?

– Нет. К сожалению, мы здесь, чтобы определить, стоит ли считать ваши действия грубым проступком, а не для того, чтобы выявлять в них степень забавности.

– Значит, мне опять не повезло, – ответила Бриджит.

– Но, с другой стороны, это было очень глупо. К сожалению.

Бриджит повернулась к нему лицом.

– Вы стоите здесь, курите мою сигарету и называете меня глупой? Вы серьезно?

Маллинс продолжал упорно глядеть куда-то вдаль.

– Именно так, – ответил он. – Мы оба знаем, что доктор Линч – первостатейный мудака. А еще мы знаем, что вы в самом деле хорошая медсестра.

– На свете много хороших медсестер.

– Не совсем так. Есть много работоспособных, но я никогда не произнесу слово «хороший» просто так. Не поймите меня неправильно, хороших врачей тоже не так уж много. Хотя Линч, возможно, худший из всех.

– В том, что касается поведения, несомненно, – ответила Бриджит.

Доктор Линч, или Личинка, как чаще называли его за глаза, был именно таким: блудливым грязным червяком со стетоскопом в руках. Если бы его руки действительно обладали целительной силой, то задницы половины медсестер службы здравоохранения уже стали бы бессмертными. Конечно, он был осторожен, очень осторожен. Он словно прошел специальный тренинг, как формально не совершать сексуальных домогательств на рабочем месте или по крайней мере делать это так, чтобы никто не подкопался.

Доктор Маллинс неумело затянулся сигаретой.

– Проблема вот в чем: его версия событий, конечно, полная фигня, но ведь и ваша тоже. А это значит, что...

– Они, как всегда, будут заодно с врачом, – закончила за него Бриджит.

Он кивнул.

– Они, – добавила Бриджит, – это вы и два других члена комитета, от которого в настоящий момент зависит моя судьба.

– Да. Тот самый комитет, которому вы неоднократно солгали.

– Я не...

– Да ладно вам, сестра Конрой! Говорите что хотите, но давайте не будем делать вид, будто мы с вами два ничего не понимающих идиота.

Доктор Маллинс бросил недокуренную сигарету в водосток и повернулся наконец к Бриджит.

– Я думаю, случилось вот что: доктор Линч, будучи тем еще типом, несомненно, приставал к одной из младших медсестер, используя свой неподражаемый метод игривого запугивания.

Взмахом руки доктор Маллинс прервал попытавшуюся возразить Бриджит.

– Да, я не верю вашим словам о том, что он якобы приставал к вам. Я не хочу сказать, что вы непривлекательны и всякое такое, но... давайте будем откровенны: вы вовсе не похожи на юную трепетную «лань, заблудшую в лесу», которая по зубам такому хищнику, как Линч. Он дурак, конечно, но не до такой степени.

Бриджит пожала плечами, но ничего не ответила.

– Итак, – продолжил доктор Маллинс, – старый слизняк применил свою мерзкую магию к одной из молодых медсестер, имени которой, я полагаю, вы не назовете даже под страхом смерти. Она, понятное дело, расстроилась. Конечно, вы могли бы доложить об этом старшему по смене...

– Да, да, это ведь обычно помогает, – саркастически заметила Бриджит.

– Но вы этого не сделали, – договорил Маллинс, – потому что она, вероятно, не хотела поднимать шум, а в вас, скажем прямо, накопился гнев.

– По поводу сексуальных домогательств на рабочем месте?

– Да, по поводу жизни в целом и поведения мужчин в частности. Полагаю, доктор Личинка не поверил своей удаче, когда получил записку от сестры Икс с просьбой встретиться с ней в третьей смотровой, которую, как я думаю, персонал уже успел неофициально переименовать в «ложу Линча», – доктор Маллинс натянуто улыбнулся. – Короче говоря, он пришел, потому что он похотливый мелкий кретин. Он даже был настолько глуп, чтобы снять с себя всю одежду – то ли из-за привычки следовать инструкциям, то ли потому, что он реально дурак. – Маллинс сделал долгую паузу. – Так и было? Не хотите посвятить меня в самую смешную часть истории?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Гарда Шихана» (сокр. Гарди) – название ирландской полиции. Здесь и далее прим. пер.

2

Дойл Эрен (ирл. Dail Eireann) – нижняя палата парламента Республики Ирландия, она же Палата представителей Ирландии.

3

«Опасный Мышонок» (англ. Danger Mouse) – британский мультсериал 2015–2019 годов. Повествует о приключениях Опасного Мышонка, самопровозглашенного «величайшего секретного агента мира», и его закадычного друга-хомяка Пенфолда.

Купить: https://tellnovel.com/makdonnell_kuiv/den-kotoryy-nikogda-ne-nastanet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)